

И.А. Худякова

**Материалы для изучения
народной словесности**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.А. Худякова**
Материалы для изучения народной словесности / И.А. Худякова – М.: Книга
по Требованию, 2017. – 130 с.

ISBN 978-5-518-11088-5

ISBN 978-5-518-11088-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

выше восходить и все больше и больше грѣть, и отчего послѣ полудня все ниже и ниже спускается и грѣть все меньше и меньше? Солнце отвѣчаетъ: «эхъ, любезный! спроси ты своего господина, почему онъ послѣ рожденія все больше и больше растетъ и крѣпнетъ силой и почему онъ въ старости къ землѣ клонится и слабѣетъ. Тоже и со мной. Мать рождаетъ меня каждый день прекраснымъ дитятей и каждый день хоронитъ дряхлымъ старикомъ (1)». И народъ рассказываетъ въ сказкахъ мнѣи незамѣтно для самого себя точно также, какъ мы, говоря, что «солнце встало», не замѣчаемъ, что эта фраза чистый мнѣи.

Какъ ни наивны вѣрованія этой эпохи, эта наивность естественна. Только путемъ тысячелѣтнихъ опытовъ, соображеній и совокупныхъ трудовъ множества поколѣній, мы дошли до настоящихъ научныхъ воззрѣній. А въ ту эпоху, когда человѣкъ впервые сталъ мыслить и наблюдать, онъ принималъ рѣки, горы, вѣтры, звѣзды, солнце, самый сводъ небесный за существа съ свободной волей, но только за высшія, за боговъ. Онъ со страхомъ и удивленіемъ наблюдалъ за ними такъ какъ отъ нихъ зависѣло его существованіе. Результатомъ наблюденій были мнѣологическіе рассказы объ ихъ дѣлахъ, даже подражаніе ихъ дѣламъ (2). Такимъ образомъ составились мнѣи и они суть не что иное, какъ рассказы объ явленіяхъ природы. Эти мнѣи размножились вслѣдствіе гомонимовъ, которыми такъ изо-

(1) См. Wenzig, Slawische Märchenschatz, стр. 38—9. Ср. Горация *Carmen seculare: Alme Sol curru nitido diem qui Promis et celas, aliusque et idem Nasceris* (9—11 стихъ). Ср. малорусскую сказку объ Ивасѣ, посланномъ спросить солнце, отчего оно пережвѣвается три раза въ день. «Есть—отвѣчало солнце—въ морѣ Анастасія прекрасная: когда я взойду, она на меня брызнетъ водою—я застыжусь и покраснѣю; когда же я взойду на высоту и посмотрю на весь свѣтъ, мнѣ станетъ весело; а когда захожу—Анастасія опять брызнетъ на меня морскою водою и я опять покраснѣю» (Костомарова С. М., 29 стр.) Ср. мои Великорусскія сказки, в. 3 № 81 «Иванъ Вечерней Зори», № 108 «Луна и Звѣзда». Ср. В. К. сръбеке и., т. 1, стр. 151—164.

(2) Объ этомъ мы надѣемся со временемъ поговорить подробнѣе.

биловали первобытные языки, и вошли въ основаніе сказокъ и былинь. Мало-по-малу сказки, переходя изъ устъ въ уста, стали измѣняться; вслѣдствіе антропоморфизма и тироморфизма онѣ раздѣлились на человѣческія и животныя сказки. Боги получили большую степень антропоморфизма, стали полубогами, героями, волшебниками (1). Народъ положилъ на нихъ печать своего быта, семейныхъ отношеній (2). Потомъ мѣсто боговъ заняли имена христіанскихъ свитыхъ (напр. въ легендахъ), вмѣсто полубоговъ и волшебниковъ явились богатыри, царевичи. Позднѣе проникли и сословныя отношенія. Незамѣтно для самихъ себя рассказчики прибавляли необходимыя комментаріи такъ, что каждая чистонародная сказка въ настоящее время представляетъ собой не только основной миѣъ, полученный ею отъ доисторическихъ временъ, но и цѣлый рядъ народныхъ комментаріевъ, т. е. и свою исторію въ устахъ народа. Приписывая происхожденіе чистонародныхъ сказокъ и былинь миѣу, какъ разсказу о природѣ, мы совсѣмъ не хотимъ сказать этимъ, что народъ, создавшій сказки и былины, только и занимало религіозное отношеніе его къ природѣ и разказы объ ея явленіяхъ. Совсѣмъ нѣтъ; черты своей бытовой и исторической жизни онъ внесъ въ готовый уже матеріалъ и, забывая первоначальное значеніе своихъ миѣовъ, онъ выразилъ въ своихъ преданіяхъ все, что интересовало, радовало и устрашало его.

Въ былинь миѣъ получилъ вмѣстѣ съ бытовыми чертами извѣстной эпохи свою локализацию; т. е. миѣъ былъ приложенъ къ извѣстному лицу и мѣсту. Въ сѣверныхъ былинахъ Ильи ѣдетъ по Ледовитому морю, въ другихъ по Хвалынскому, въ третьихъ по Черному и т. д. Историче-

(1) In alter Zeit soll ein ehstnischer Prinz, König oder *Gott*, von heftiger Liebe zu einer Prinzessin oder Göttin ergrift worden sein. Er hatte aber in einem andern mächtigen *Gotte* oder *Zauberer* einen argen Feind (Bunte Bilder, v. Pabst, h. 1, стр. 60).

(2) Напр., отношеніе падчерицъ къ мачихамъ.

скія и географическія имена употребляются въ былинахъ своеобразно, болѣе въ смыслѣ нарицательномъ, въ смыслѣ извѣстности въ массѣ народа. Связь былинъ съ лѣтописями ограничивается одними именами, за исключеніемъ очень немногихъ мѣстъ. И то еще нельзя рѣшить: заимствовала ли лѣтопись изъ быliny, приложенной къ извѣстному событію, или какъ лѣтопись такъ и былина одинаково руководствовались историческимъ фактомъ независимо другъ отъ друга.

У очень многихъ народовъ, принявшихъ христіанство, преданія о прежнихъ богахъ, сохраняясь, почти всегда принимаютъ вмѣсто языческихъ именъ — имена христіанскія. Такъ имя божества грома у многихъ народовъ было замѣнено именемъ пр. Ильи. Напримѣръ: гора на Египтѣ, бывшая мѣстомъ всегелленскаго поклоненія *громовержцу Зевсу*, стала, по принятіи Греками христіанства, называться горой св. *Ильи* (1). Такъ и у насъ въ народныхъ повѣрххъ имя пророка Ильи замѣняетъ имя Перуна. Но имя пророка Ильи замѣняется въ иныхъ мѣстностяхъ именемъ Ильи Муромца. Такъ, напримѣръ, намъ удалось слышать въ с. Хорошиловѣ, Дмитровскаго у., Московской губ., что *громъ происходитъ отъ того, что Илья Муромецъ на шести жеребцахъ ѣздитъ*. Слѣд., Илья Муромецъ въ нашихъ преданіяхъ замѣняетъ Илью пророка (Перуна). Эта связь Ильи Муромца съ Ильей пророкомъ въ нашихъ преданіяхъ подтверждается тѣмъ, что недалеко отъ Муромъ тамъ, гдѣ бьетъ родникъ, по преданію, ударившій *изъ-подъ копытъ* богатырскаго копы **Ильи Муромца**, поставлена часовня во имя пророка **Ильи** (а не во имя Ильи Муромца, печерскаго угодника). *Копю Ильи Муромца* въ греческой мифологіи соответствуетъ *копю громовержца Зевса*, Пегазъ, который ударя *копытами*, производитъ новые источники (2). По Преллеру, Пегазъ есть туча,

(1) Леонтьева О поклоненіи Зевсу, стр. 289—290. Такое же явленіе было у Нѣмцевъ, Сербовъ, Осетиновъ на Кавказѣ.

(2) Ср. также Wolf Beiträge, т. 2, стр. 94.

являющаяся крылатымъ конемъ, который живетъ у Зевса и носить его молвію и громъ (1). Какъ бы то ни было, для насъ несомнѣнно то, что Илья Муромецъ есть введенный въ богатыри русскій громовержецъ (2). Съ этимъ результатомъ мы приступимъ къ разъясненію преданія объ его смерти (3).

Близкій вариантъ къ этому преданію представляетъ смерть Святогора, сообщаемая прекрасной былинной г. Рыбникова (т. I, стр. 40—42). Близкій вариантъ къ былинѣ представляетъ сказка «Иванъ Косыревъ», помѣщенная въ 3-мъ выпускѣ моихъ Великорусскихъ сказокъ (№ 121), черезъ которую преданія о смерти Ильи и Святогора роднятся съ сказкою г. Аванасьева (вып. 2, № 6), гдѣ хотя и не повторяется мотивъ о смерти, но за то упоминаются имена Ильи Муромца, Алѣши Поповича и Добрыни. Еще вариантъ представляетъ славянская сказка, записанная г. Гильфердингомъ (4).

Какъ Святогоръ, по былинѣ г. Рыбникова, такъ и Илья Муромецъ, по преданію сообщенному г. Безсоновымъ, умираютъ въ *гробу*. Признавая, что Илья Муромецъ замѣняетъ русскаго громовержца, мы тотчасъ же можемъ объяснить себѣ мифологическое значеніе этого гроба, потому что этотъ же гробъ мы встрѣчаемъ въ великорусскихъ загадкахъ.

Гробъ пловеть (5).

(1) Preller, т. 1-й, перв. изд., стр. 78; т. 2, стр. 45—46.

(2) Онь соединяетъ въ себѣ многія черты Одина и Тора.

(3) Ильи П. Кирѣевскаго: в. 1-й, примѣч., стр. XXXIV; Рыбникова т. I, стр. 119.

(4) Этнографич. сб., в. V, стр. 115. Сравни повѣрье, что «колдуны ежеминутно повторяютъ передъ смертью: «возьми, возьми!», желая кому либо изъ обрुвающихъ передать подвластныхъ духовъ». (Воронешск. лит. сб., т. 1-й, стр. 382).

(5) Ср. *гробъ, обитый обручами, плывущій по морю*; Аэ, в. 2, стр. 121 перв. изд. «Страшась болѣе всего *громоваго* бога Кударчи и вѣря, что отъ него зависить плодородіе земли, Черемисы изображали его въ видѣ куклы, одѣтой въ мужское платье, и кранили ее въ *берестяномъ ящикѣ* (Соврем. Пушкина т. 2, стр. 184).

Мертвецъ реветъ ⁽¹⁾;
Ладанъ вышетъ,
Свѣчи горять. *Туча, громъ, молнія* ⁽²⁾.

Шли:

На поля Царынского
Въ *дубу* *гробница*,
Въ *гробницѣ* *двѣниа*.
Огонь *выскачетъ*,
Сырую землю зажигаетъ. *Молнія* ⁽³⁾.

Гробница въ дубу напоминаетъ то, что *гробъ*, въ которомъ *умеръ* великанъ, дѣлается изъ *дубу* (Этногр. сб., в. V, стр. 115). Въ былинѣ г. Рыбникова Святогоръ *спитъ* подъ *дубомъ*, когда жена его входитъ въ связь съ Ильей Муромцемъ. Последнее напоминаетъ нѣсколько мнѣ о Зевсѣ и Семелѣ. Вообще все элементы, которые народная вѣра находила въ грозѣ, играли у грековъ главную роль при свадебныхъ обрядахъ ⁽⁴⁾.

Сколько ни рубить мечъ кладенецъ (какъ Святогора, такъ и Ильи Муромца) гробъ, на немъ все больше и больше растетъ обручей... Этотъ мечъ кладенецъ есть молнія. Потому-то онъ въ нѣкоторыхъ сказкахъ называется «ножь кладенецъ, мечъ *самосѣкъ* ⁽⁵⁾». Потому-то топоръ и дубинка, строящіе все *сами собою*, являются изъ *искры* вслѣд-

(1) Т. е. громко говорить.

Что не *громъ* *грозитъ*,
Говоритъ *Илюшка* своему *батьюшкѣ* (Кир., в. 1, стр. 25)
Что не *два* *грозы* *тучи* затучилъ,
Не *два* *юры* *вхвѣтъ* *сдвигалися*:
Два богатыря (Илья М. и сокольникъ) *сѣважалися* (Кир.,
в. 4, стр. 15)

У Тугарина конь — *туча* *чорная*,
Княженецкая рать (посланная съ Ильей М.) — *молонья*
свѣтлая (Кир., в. 1, 57 стр.).

(2) Мои Великор. загадки, № 623.

(3) Мои Великор. загадки, № 347.

(4) Der Ursprung d. Mythologie, Schwartz, стр. 24, 88, 129.

(5) Мои Великорусскія сказки, в. 1-й, № 3.

ствіе удара кремня объ огниво (¹). Вспомнимъ, что и въ вышеприведенной загадкѣ двѣнца — Молнія *огонь высъкаетъ*.

Мотивъ о богатырѣ, рубящемъ гробъ, на которомъ вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе растутъ обручи, напоминаетъ другую былину г. Рыбникова о смерти Ильи Муромца (стр. 119, т. 1-й)... Въ этой былинѣ чѣмъ больше Илья рубить Татаръ, тѣмъ больше ихъ становится. Эта былина указываетъ на связь между преданіемъ о смерти Ильи Муромца и былиной о томъ, какъ перевелись витязи. Связь эта подтверждается и тѣмъ, что въ битвѣ съ силою участвуетъ Илья Муромецъ, Алѣша Поповичъ и Добрыня, упоминаемые и въ преданьи о смерти Ильи, сообщенномъ г. Безсоновымъ.

Замѣчательно, что въ этомъ послѣднемъ преданьи Илья Муромецъ дѣлаетъ завѣщаніе, куда поставить гробъ, и приказываетъ приходить *молиться на него*.

Разъясняя мифическую сторону упомянутыхъ былинъ, мы оставляемъ тѣмъ самымъ изслѣдовать историкамъ ихъ историческій элементъ.

(¹) Аван., в. 6, стр. 350. Молотъ Тора называется Miölnir, слово, соответствующее нашему слову *молнія*.

II.

Два сибирскихъ заговора.

1. Бѣжить бѣленькій зайка, ровно бѣлый ледъ; возлѣ бокъ стоитъ Илья пророкъ со двѣнадцатью слугами. «Слуги вы, слуги вѣрные! Положу на васъ службу не тяжелую: что возьмите вы по пруту желѣзному и сгоните вы съ Камы и Волги, съ чистаго поля, съ широкаго раздолья изъ-за сопокъ и съ горокъ въ NN ловушку-поставушку.»

2. Сталъ я рабъ божій, Савва, благословясь, пошелъ я перекрестясь изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, шелъ N... путемъ-дорогой подъ восточную сторону, подъ частыя звѣзды, подъ красное солнце, подъ свѣтелъ мѣсяць, пошелъ я подъ океанъ море. Въ океанъ морѣ лежитъ богатый (sic!) камень, на этомъ камнѣ живутъ три брата съ семидесятью семью вѣтрами—вѣтеръ, съ семидесятью семью вихрями вихорь. Подите же вы темными дѣсами, крутыми горами, быстрыми рѣками и студеными ключами, травами и муравами, лазоревыми цвѣтами и вложите же вы тоску тоскующую, плачь плачущій, печаль неутолимую въ рабицу дѣвицу въ семьдесятъ семь жилъ и одну жилу, въ семьдесятъ семь суставовъ и одинъ суставъ, въ ретивое сердце, въ кровь горячую, въ печень легкую, въ кость могучую и какъ щука-рыба безъ воды жить не можетъ и умираетъ, такъ бы дѣвица Татьяна безъ меня раба

божія Саввы не могла жить, тосковала бы, горевала бы денну, ночну и полуночну, въ питьѣ бы не запивала, въ ѣдѣ не заѣдала, въ банѣ теплой не запаривала, ходила бы и гуляла, вездѣ бы меня не забывала. Будьте мои слова договорены, крѣпки и лѣпки, крѣпче камню и булату. лѣпче коня Мурамецаго, замокъ въ ротѣ, ключъ въ морѣ. Во вѣки аминь. Запрусь и замкнусь тремя замками мѣдными, тремя замками оловянными.

(Записаны на Алтаѣ, въ Тигиріцкой станицѣ Г. Н. Потанинымъ).

III.

Народныя стихотворенія противъ взяточничества.

1) а. Былъ прежде судья-воевода. Вздумали эдакую выдумку, сдѣлали волости. Вотъ мужикамъ не понравилось, собрали семь сотъ руб. денегъ и послали одного мужичка просьбу подать. Мужичекъ ходилъ, роздалъ всѣ 700 р., а прошенье не довелъ. Остался у него одинъ пятналтынный, стыдно въ волость воротиться. Пошелъ онъ въ кабакъ пропить съ горя этотъ пятналтынный; а въ кабакъ сидитъ пьяница горькій. «Ну, говорить, не грустуй; я тебѣ помогу!» Выпили они водки. «Ну, говорить, завтра приходи! Составилъ ему просьбу.

Зазри, Небесный Творецъ,
 На земныхъ словесныхъ овецъ,
 Зазри вся пакѣра на мои руки,
 Какъ страдаютъ адамовы внуки.
 Не было намъ прежде теѣ заботы,
 Когда управлялъ нами старый судья-воевода;
 Не было у насъ въ сердцахъ той болѣсти,
 Когда не раздѣлены были на волости.
 Но теперь прогнѣвали Тебе, Небеснаго Отца,
 Послалъ ты на насъ исправника вора и плута секретаря:

Мучаютъ насъ и тиранить.
Прежде такъ тиранили, не навидѣли христовой вѣры,
А теперь кто не дастъ хлѣба или овса мѣры.
Всѣ наши прибутки и доходы
Отправляются Нижнему Земскому Суду на расходы.
Да зазри, Небесный Отецъ!
Не оставили у насъ ни курь, ни овецъ!
Да суди ты насъ по человечеству,
Какіе мы теперь слуги отечеству?
Вотъ ужъ ѣдимъ мякину общую съ лошадьми,
Какъ насъ звать и людьми?
При томъ же у насъ выбраны сотскіе и десятскіе вору.
Собираютъ скорые, частые поборы.
Какъ исправникъ въ деревню прѣзжайтъ.
Всѣхъ насъ изъ домовъ выгоняитъ
За нарварскими своими шутками
Гонять по лѣсу за зайцами и утками.
Гоняемъ мы весь день не ѣвши по лѣсу,
Отчего не стало у насъ отъ крику и гѣлосу.
А придетъ зимняя пора
Собираютъ со всякаго двора
По пуду льнишку, по мотку нитокъ,
Хоть каковъ не былъ нашъ прибутокъ.
И чтобъ намъ не было той заботы,
Не разоряли насъ изъ Нижняго Земскаго Суда подводы:
А то -- кто ѣдетъ къ бабушкѣ,
А кто ѣдетъ къ тѣтушкѣ,
А кто ѣдетъ къ женѣ,
Насъ же бьютъ по спинѣ:
«Погоняй! Да я вѣдь по казенному дѣлу ѣду, не по своему!»

(Записана Г. Н. Потанинымъ въ Гамаюновской волости
Калужскаго уѣзда).

1, б. Варіантъ.

Всепресвѣтлѣйшій Творецъ,
Всемилосердый Отецъ!
Просятъ тебя твари,
Экономическіе крестьяне:
О чемъ прошеніе наше будетъ,
Тому слѣдуетъ пунктъ первый:
Не было въ сердцахъ нашихъ болѣсти,
Когда не была раздѣлена земля наша на волости:

Тогда съ каждаго жила
По копѣйкѣ съ души не сходило...
А нынѣ головы и земски
Для насъ стали очень мерзки.
Раззорилъ насъ исправникъ въ конецъ,
Не оставилъ ни куръ, ни овецъ...
Прогнѣвали тебя, Небеснаго Отца,
Что неправеднаго имѣемъ секретаря.
Въ прежнія времена тиранили за христіанскія вѣры,
А нынѣ мучаютъ насъ, коли не принесемъ овса мѣры.
Весь свой пррбытокъ и доходъ
Употребляемъ на секретарскій расходъ...
Суди, Владыко, по человѣчеству,
Какіе мы слуги своему отечеству.
До той бѣдности дошли,
Что не во что одѣться
И въ праздничный день разговѣться.
Стали мы убоги и нищи,
Что не стало у насъ пищи.
Жены наши и ребятишки
Тоскаютъ на себѣ изъ лѣсу дровишки...
И нѣтъ никакой милости и свободы,
Дай для всякаго подводы!

(Записана издателемъ въ с. Крылатовѣ, Московскаго уѣзда).

Ср. очень близкій варіантъ изъ раскольнической рукописи, напечатанный г. Буславымъ въ его статьѣ «Русскіе духовные стихи,» Русская Рѣчь 1861 г. — Онъ же перепечатанъ г. Щаповымъ. (Время, за 1862 г., Ноябрь).

IV.

Ночь на Ивана Купалу.

Досталось одному парню въ рекруты идти. Надѣлъ ужъ онъ рекрутскій мундиръ, да вдругъ вздумалось ему откупиться. А откупиться-то нечѣмъ. «Дай, говоритъ, попробую счастье на Ивана Купалу». Думалъ, думалъ; такъ и сдѣлалъ. Пошелъ ночью въ лѣсъ, дожидался долго. Наконецъ засвѣтились тысячи разноцвѣтныхъ огней. Онъ подбѣ-